

С. Л. УТЧЕНКО, *Юлий Цезарь*, М., «Мысль», 1976, 364 стр.

Рецензируемая книга состоит из восьми глав: 1. Образ Цезаря в мировой историографии. Миф о Цезаре. 2. Гай Юлий Цезарь: происхождение, молодость, начало политической карьеры. 3. Триумвират. Консульство. 4. Галльские войны. Проконсульство. 5. Великое галльское восстание. Канун Рубикона. 6. Гражданская война. 7. Диктатура Цезаря. 8. Иды марта. Итоги и выводы.

«Гай Юлий Цезарь, — так начинает С. Л. Утченко свою книгу, — принадлежит к тем редким избранникам истории, чей образ не тускнеет от времени, чья слава переживает века. Выдающийся полководец, не менее выдающийся государственный деятель, разносторонний гений — таков как будто никем не оспариваемый приговор ряда поколений... Но так ли это на самом деле? И всегда ли именно так считалось? Ответ на первый вопрос должна дать книга в целом, на второй попытаемся ответить в данной главе» (стр. 3). Это вступление показывает, каков был замысел автора: во-первых, проследить, как на протяжении многих веков создавался «миф о Цезаре» в том виде, в каком мы его знаем теперь, и, во-вторых, выявить, насколько сложившийся таким образом миф соответствует действительности. Последняя задача, несомненно, чрезвычайно трудна.

К оценке выдающихся деятелей прошлого неизбежно применяется множество субъективных факторов, начиная от общих, господствующих в то или иное время взглядов на исторический процесс и определяющие его факторы и кончая личными симпатиями и антипатиями историка, дающего соответствующую оценку, обычно сознательно или бессознательно исходя из своего отношения к современным ему политическим деятелям. Характерно, например, что в последние годы второй мировой войны и непосредственно после ее окончания в выходивших на Западе работах историков снова стало актуальным извечное сопоставление и противопоставление Цезаря и Цицерона как классических эталонов носителя «сильной единоличной власти» и «борца за демократию и республику», что в тот же период времени возобновилась дискуссия о значении римского завоевания Галлии и на этот раз был поднят Верцингеторикс как прообраз национального героя, сражавшегося за свободу против поработившего Галлию Цезаря, наделявшегося всеми чертами агрессора и оккупанта¹.

С. Л. Утченко не закрывал глаза на трудности поставленной перед собою задачи, подчеркивая, что у каждой эпохи есть свои ценности, свои герои, а следовательно, и свой Цезарь. Но в отличие от многих своих предшественников он подошел к вопросу не с точки зрения тех критериев, которые приложимы к оценке деятелей современной эпохи, а с точки зрения критериев, действительных для совсем иных условий, для иного по своей структуре и своим закономерностям общества, т. е. общества римского. Цезарь для него не извечный образец «положительного» или «отрицательного» героя, а человек своего времени, участник важнейших событий заключительного этапа того процесса, который привел к замене римской республики римской империей, и интересует автора, в первую очередь, в какой мере Цезарь, со всеми присущими ему достоинствами и недостатками, став главой государства, мог повлиять на этот процесс, уникальный и в иных исторических условиях неповторимый.

Чтобы подойти к разрешению поставленной задачи, С. Л. Утченко, как уже упоминалось, начинает с разбора оценки Цезаря им самим, его современниками, их ближайшими потомками, а затем историками нового и новейшего времени. Оценки современников — Цицерона и Саллюстия — были пристрастны и противоречивы, зависели от разных конкретных обстоятельств. Так, Цицерон в официальных выступлениях периода триумvirата и диктатуры Цезаря его превозносит, в частных письмах и после мартовских ид не скрывает своей к нему ненависти. У Цицерона, отмечает С. Л. Ут-

¹ Е. М. Ш т а е р м а н. Цезарь и Цицерон в современной буржуазной литературе, ВДИ, 1950, № 3; о н а ж е, Древняя Галлия. (Обзор послевоенной буржуазной историографии), ВДИ, 1951, № 1.

ченко, впервые появляется характерный для многих новейших историков телеологизм — утверждение, будто Цезарь с юности стремился к верховной власти и все его действия всегда были направлены на достижение намеченной цели. Саллюстий, возлагавший большие надежды на Цезаря, как возможного борца со всеобщей «испорченностью нравов», затем в нем несколько разочаровался, но в «Заговоре Катилины», когда суждения его успели устояться, он рисует образ Цезаря как активного политика, великого своей энергией, доблестью, милосердием. Традиционный для античности образ Цезаря создали Плутарх, Светоний, Аппиан. Для них Цезарь в первую очередь гениальный, сопоставимый с Александром Македонским полководец. Как государственный деятель он отступает на задний план перед Августом, который для историков того времени был истинным основателем империи и ее идеальным главой. Как великий государственный деятель Цезарь начинает трактоваться историками нового времени, и в первую очередь Т. Моммзеном, создателем «мифа о Цезаре», как о поставившем себя над классами и сословиями «демократическом монархе», возродившем римскую и эллинистическую «нацию», заложившем благодаря завоеванию и романизации Галлии основы современной европейской цивилизации. У Моммзена же особенно ярко выступала телеологическая струя — толкование всех действий Цезаря с начала его карьеры как предуготовления к его великой, «провиденциальной» миссии. Как справедливо замечает С. Л. Утченко, все последующие историки, независимо от того, соглашались ли они с Моммзеном, или его оспаривали, отталкивались от его характеристики Цезаря, данной столь восторженно и ярко потому, что Моммзен мечтал о таком же «демократическом монархе» для Германии. Останавливается С. Л. Утченко далее на работе Ферреро, для которого Цезарь был только блестящим и наделавшим массу ошибок авантюристом, на книгах Р. Ю. Виппера, Р. Сайма, Н. А. Машкина, и, наконец, на двух тенденциях в литературе последних десятилетий: более трезвой, учитывающей отношения в римском обществе, и апологетически-телеологической. В качестве образца первой тенденции он рассматривает биографию Цезаря, написанную Балдсопом, образца второй — труд о Цезаре, принадлежащий М. Гельцеру. Но как бы ни оценивался Цезарь, основной интерес теперь вызывает, в противоположность древности, его качества не полководца, а государственного деятеля, что, замечает С. Л. Утченко, вполне понятно, поскольку полководческое искусство Рима стало делом далекого прошлого и имеет значение только для историка военного дела, тогда как проблема перехода от республики к империи, с которой связана и судьба Цезаря, все еще вызывает живейший интерес и непрекращающиеся дискуссии.

Приведенное соображение, несомненно, справедливо и действительно не только для историков, но и для достаточно широких кругов читающей публики, лучшим доказательством чему служит большой спрос на посвященные этой эпохе книги самого С. Л. Утченко.

Свой обзор наиболее значительных работ о Цезаре автор заканчивает вопросом: что же нового можно сделать в этой области, когда, казалось бы, все возможные варианты оценок Цезаря уже были даны? И отвечает: надо самому проследить весь путь героя, тогда то, что можно будет сказать, станет подлинно своим и вместе с тем подлинно новым. Нельзя не видеть, насколько глубока и значительна эта мысль, и не только в приложении к биографии Цезаря, но и к разработке любой темы по античной истории, в которой практически почти не остается вопросов, так или иначе уже многократно не изучавшихся. По-видимому, действительно, только глубокое и творческое овладение всем наличным материалом в соединении с последовательной теоретической его интерпретацией может сделать для историка изучаемую им эпоху «своей» и позволить сказать о ней нечто новое, не замеченное, не учтенное его предшественниками. С. Л. Утченко до тонкости знал все источники, так или иначе бросающие свет на период жизни и деятельности Цезаря, и разработал свою, оригинальную и убедительную концепцию сущности этого периода, опираясь на марксистский метод интерпретации и теоретического обобщения фактов и процессов, шедших в разных сферах жизни римского общества эпохи гражданских войн. Поэтому он и смог справиться с поставленной задачей — сказать свое и новое.

Рассказывая в последующих главах историю жизни и деятельности Цезаря, С. Л. Утченко постоянно подчеркивает необоснованность телеологических представлений, согласно которым Цезарь всю жизнь стремился к единоличной власти подчиня этой цели все свои действия. Опровергает он и довольно распространенное мнение о том, что уже в начале своей карьеры Цезарь становится «вождем партии популяров», поскольку, во-первых, как и раньше доказывал С. Л. Утченко, «партии» популяров и оптиматов представляют собой в значительной мере модернизаторские конструкции, а во-вторых, потому, что после смерти Суллы Цезарь был еще слишком незначительной фигурой, чтобы претендовать на роль главы какой-то крупной группировки. Он не примыкал полностью ни к одной из них, а избрал средний, тривиальный для молодого римского аристократа путь военной службы, выступлений с речами на могущих получить общественный резонанс судебных процессах, широких затрат взятых в долг денег на приобретение популярности. Ничто, пишет С. Л. Утченко, не предвещало тогда его будущего величия. Выдвигаться он начал после избрания его в 68 г. квестором, а в 66 г. эдилом, когда он начинает ориентироваться на Помпея и сближается с Крассом, поскольку из видных лиц только Красс стоял вне сенатской олигархии, Цезарь же придерживался антисенатской ориентации, но ни в коем случае не был крайним демагогом.

Сближение с Крассом выводило его на путь политических интриг и комбинаций, в которых со временем он приобрел большой опыт и мастерство, никогда, однако, не переходя некую последнюю грань. Участие Красса и Цезаря в первом заговоре Катилины С. Л. Утченко считает нереальным и подвергает сомнению само существование этого заговора. В этот период, пишет он, Цезарю и Крассу вообще не везло. Вместо Катилины консулом выбрали Цицерона, провалился аграрный закон Сервилия Рулла, неудачей окончились некоторые начатые по их инициативе судебные процессы. Но, как подчеркивает автор, уже тогда проявилась одна характерная черта Цезаря, во многом способствовавшая его дальнейшей карьере: способность не падать духом при неудачах, черта, крайне важная для политического деятеля. Позиция Цезаря во время заговора Катилины обострила еще более его отношения с сенатской олигархией и подняла его популярность в народе. Но и тогда о нем нельзя говорить как о каком-то вожде, так как не существовало достаточно широкой группировки, вождем которой он бы мог быть. По сравнению с Помпеем и Крассом он был еще третьестепенной фигурой, но то было время, когда он набирался сил и опыта, сочетая энергию и осмотрительность, учился преодолению поражений, которое одно только и дает прочные победы.

Подавление заговора Катилины наглядно показало степень разложения полисной демократии, ее слабость, распыленность ее сил, неорганизованность. Стало ясно, что нельзя захватить власть, опираясь на эти слои, что их надо заменить иной, более четкой организацией. Однако, как подчеркивает С. Л. Утченко, неверно было бы утверждать, что Цезарь сразу понял и учел этот урок. Будучи претором, он продолжал вести политические интриги, ссоря Помпея с сенатской олигархией. Его действия увенчались возникновением первого триумvirата. Помпея привела в него твердолобость сената, Красса — раскол между сенатом и всадниками, Цезаря — желание упрочить свое политическое положение. Значение первого триумvirата С. Л. Утченко видит в консолидации всех антисенатских сил, ставшей переломным моментом в истории Рима I в. до н. э.

Рассматривая политику Цезаря во время его консульства, автор опровергает точку зрения на консулат как на прототип его диктатуры. В то же время Цезарь еще никак не мог рассчитывать на захват единоличной власти. Он делал то, что должно было удовлетворить его коллег по триумvirату, согласно взятым на себя обязательствам; но, проведя аграрные законы для наделения землей ветеранов Помпея и исполнив требования стоявших за Крассом всадников, он приобрел много приверженцев в разных слоях общества и выгадал в общем от триумvirата больше, чем Помпей и Красс. Проведенные им мероприятия, пишет С. Л. Утченко, не преследовали каких-то далеко идущих реформаторских целей. Единственным исключением можно было бы считать только его

закон о вымогательствах (*lex Iulia de repetundis*), имевший целью несколько упорядочить управление провинциями. Ничто не указывает на монархические устремления Цезаря в период его консульства. Не осуществил он и программу вождей популяров. Он еще от них не отошел, но, возможно, стал уже сознавать, что неорганизованная масса плебса не может быть надежной опорой. Трибунат Клодия, заключает С. Л. Утченко, был последним широким движением популяров, верных традициям демократии, результатом их разочарования в консулате Цезаря. Клодий и Цезарь, хотя и недостаточно осознанно, выступали как представители двух сталкивающихся концепций: концепции опоры на широкие, но неорганизованные народные массы и концепции опоры на армию.

Достаточно подробно и четко С. Л. Утченко излагает ход галльских войн Цезаря, в основном руководствуясь его «Записками», которые считает в достаточной мере достоверными. За годы войны Цезарь стал настоящим вождем войска, добившись редкой его преданности, упрочил свою славу победоносного полководца, приобрел власть, силу и деньги. Проявил он также недюжинные дипломатические таланты, разобщая галльские племена, натравливая друг на друга различные группировки внутри племен. Впервые им был выдвинут лозунг «милосердия» — *clementia*, хотя и сочетавшийся подчас с беспощадной жестокостью.

В 51—50 гг., после распада первого триумvirата, обострилась борьба Цезаря с сенатом, но, замечает С. Л. Утченко, это не была борьба «народной» и «аристократической» «партий», как считал Моммзен и многие другие. Цезарю сочувствовала неорганизованная масса населения Рима, его обширная клиентела, включавшая и общины Цизальпинской Галлии, и отдельных влиятельных деятелей, частично подкупленных Цезарем. Против него выступала *factio* Катона, сенатское «оболото», Помпей и его клиентела. С. Л. Утченко детально останавливается на событиях, предшествующих переходу через Рубикон, и заключает, что нельзя ответить на вопрос, кто начал гражданскую войну. Ее хотели и начали обе стороны, но, возможно, что Помпей предпочитал войну политической борьбе, надеясь на свою популярность, свой опыт полководца, переоценивая свои возможности. Цезарь считал, что в политической борьбе возьмет верх над сенатской олигархией и готов был мирно уладить конфликт. Только убедившись в твердолобой неуступчивости своих противников, Цезарь пошел на Рим.

Излагая ход гражданской войны, С. Л. Утченко задается вопросом о роли италийских и провинциальных городов в «большой политике». Вопрос этот обычно недостаточно четко ставится, так как территории, на которых сталкивались армии цезарианцев и помпейцев, часто рассматриваются только как военный плацдарм. Между тем только учет участия в событиях цезарианских и помпейских «партий» в Италии, провинциях, вассальных царствах может показать, на какие социальные силы в масштабе всей римской державы опиралась сенатская республика и становящаяся империя, поскольку, видимо, те, кто поддерживал Цезаря против Помпея, впоследствии поддерживали второй триумvirат против «республиканцев», Октавиана против Антония. С. Л. Утченко пишет, что активное участие италийских и провинциальных городов в перипетиях гражданской войны несомненно, хотя проследить детально столкновение различных группировок в городах не представляется возможным. Видимо, говорит он, и помпейцы, и цезарианцы принадлежали к правящим слоям. Обе стороны прекрасно понимали все значение поддержки городов и старались укрепить с ними отношения патрона и клиентелы. Своими победами Цезарь во многом был обязан поддержке провинциальных общин.

Перейдя к рассмотрению диктатуры Цезаря после окончания африканской войны, С. Л. Утченко возражает тем, кто видел в присвоении Цезарю пожизненного титула «император» признак монархического характера власти. Такое значение титул «император» мог получить только при Августе. При Цезаре он по-прежнему был титулом верховного главнокомандующего, оставшегося таковым и в мирное время. С. Л. Утченко решительно оспаривает и попытки доказать, что политика Цезаря-диктатора была направлена на создание мощной централизованной державы, в том виде, какой она

приняла при Антонинах. Цезарь не задавался какими-то умозрительными планами, а проводил меры, отвечавшие требованиям момента, настоящим пуждам управления. Время и условия развития закрепили из этих мероприятий те, которые им соответствовали. Иногда, пишет автор, программы, намеченные Саллюстием в его «Письмах к Цезарю» и Цицероном в его речи по поводу возвращения Марцелла, противопоставляются как «полисные идеи» «идеи империи» Цезаря. Но «идеи империи» в то время еще не было. Следует сопоставлять не идеи, а конкретные меры, предложенные Саллюстием и Цицероном, с мерами, принимавшимися Цезарем. Все трое понимали необходимость восстановления государства после гражданских войн, но Саллюстий и Цицерон выступали как теоретики, Цезарь же действовал как практик. Расхождение между ними — расхождение теории и практики, а не расхождение «полис — империя» или «принципат — монархия». Думается, что С. Л. Утченко глубоко прав, выступая против таких, как он выражается, «кабинетных», а можно было бы сказать — модернизаторских, построений. Склонность приписывать античным философам, историкам, политикам теории, имевшие и имеющие хождение в наше время, никогда не способствовала пониманию древних мыслителей и деятелей, а только безнадежно затемняла картину. И одним из больших достоинств книги С. Л. Утченко можно считать то, что он читает источники так, как они были написаны современниками событий, а не так, как мог бы их написать какой-нибудь теоретик XIX или XX в.

Рассмотрев мероприятия Цезаря в период его диктатуры, С. Л. Утченко подходит к важнейшему вопросу о его социальной опоре. Цезарь, пишет он, как и всякий видный политический деятель Рима, имел свою «партию» из друзей, клиентов, близких людей. Но для управления державой нужна была более широкая база, и Цезарь активно создавал ее, действуя в четырех направлениях: наделая землей ветеранов, проводил широкую колонизацию, щедро раздавал римское гражданство и твердо держался лозунга «милосердия», чтобы привлечь к себе бывших противников. Первые три направления были безусловно перспективны. Армия, снова подчеркивает С. Л. Утченко, во все большей мере становилась социально-политической силой. Она не была, как часто считают, только орудием в руках рвавшихся к власти военачальников, но и предъявляла своим вождям требования и постоянно оказывала давление на политическую жизнь. Если Сулла видел в армии лишь военную силу, то Цезарь понимал все ее значение как организации, на которую можно опереться в условиях слабости «демократии» и отсутствия партий в нашем понимании. Его руководство армией было политическим руководством. Этот вывод С. Л. Утченко имеет капитальное значение. Он в значительной мере ставит под сомнение встречающееся в нашей литературе определение власти Цезаря, а затем и империи только как военной диктатуры. С таким определением неизбежно сочетается и представление об армии как о сборище деклассированных элементов, худшие инстинкты которых поощряли императоры. Если довести эту концепцию до логического конца, то напрашивается вывод, что и Цезарь, и империя были по существу лишены социальной опоры, не представляли какой-то определенный класс, что государство было надклассовым, вывод, несомненно неприемлемый с теоретической точки зрения и не подтверждающийся фактами. Армия последних десятилетий республики, вербовавшаяся в значительной мере из бедноты, по существу продолжала ту же направленную против крупных собственников борьбу за землю, которую вел некогда сельский плебс и к которой городской плебс относился вовсе не так индифферентно, как часто заключают на основании провала аграрного закона Сервилия Рулла. Лучшее тому доказательство — переселение городского плебса в создававшиеся для него Цезарем колонии. Солдаты же, вступая в армию и в конце республики, и во время империи, в первую очередь рассчитывали на получение при отставке земельного надела, который они могли начать обрабатывать за счет полученного во время службы жалования и военной добычи. В этой связи может быть допустимо считать, что Цезарь не столько изменил популярам, сколько осуществлял их аграрную программу иными, более эффективными в сложившихся обстоятельствах методами. Цезарь не довел наделение ветеранов землей до конца, отчасти из-за недостатка времени, отчасти потому, что его аграрная политика пришла в противоречие с его политикой «милосердия». Известно, сколько раз

Цицерон писал ему с просьбами отменить конфискацию в пользу ветеранов земель какого-либо лица или города. Вероятно, с аналогичными просьбами обращались к нему и другие. Настоящую аграрную реформу провел только Август, полностью удовлетворив чаяния солдат. Впоследствии, с включением ветеранов в сословие декуррионов, армия сближается с муниципальными землевладельцами, особенно в тех провинциях, где ветераны действительно составляли городскую верхушку. Ни для времени Цезаря, ни для эпохи империи нельзя говорить о деклассированной армии. В обоих случаях она представляла собой организацию того класса, на который опиралось правительство, интересы которого оно в наибольшей мере учитывало и выражало. То, что С. Л. Утченко подчеркнул роль армии как социально-политической организации, заменившей в какой-то степени партию в тех условиях, когда партий в современном смысле еще быть не могло, и что он обосновал этот вывод для последнего этапа римских гражданских войн, позволяет заново пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды.

Переходя к гражданско-правовой политике Цезаря, С. Л. Утченко также совершенно справедливо выступает против тех, кто считает, будто Цезарь, раздавая римское гражданство, ставил перед собой цель уравнивать всех жителей римской державы как своих подданных. На самом деле, гражданство он давал хотя и широко, но выборочно, от случая к случаю, в награду за преданность, оказанные услуги и т. п. Не по его субъективным замыслам, а по объективным следствиям его политика колонизации и романизации создавала новые политические структуры, способствовала формированию новой элиты, ставшей опорой империи.

Зато, по мнению С. Л. Утченко, не оправдала себя политика *clementia*. Мало того, она оказалась для Цезаря губительной, так как сенатская знать не верила Цезарю и не могла с ним примириться. Цезарь, метко замечает автор, сам создал легальную оппозицию, но поскольку она была лишена легальных методов борьбы, ей оставалось только убить его. *Clementia* стала одной из главных предпосылок мартовских ид. Новые социальные слои, поддерживавшие Цезаря, были еще недостаточно сильны; «демократия» не могла быть серьезной опорой и к тому же монархические замашки настраивали против него даже его сторонников. Цезарь лавировал между «новыми людьми» и староримской землевладельческой знатью, силу которой могли подорвать только проскрипции. Создался, заключает С. Л. Утченко, странный парадокс — всесильный диктатор оказался в политической изоляции, и мартовские иды были результатом слабости его режима. Думается, что автор вполне справедливо подчеркивает несостоятельность политики *clementia*, препятствовавшей, между прочим, как уже упоминалось выше, и проведению аграрной реформы, — настоятельной потребности времени. Ведь за Цезарем и в Италии, и в провинциях шли слои, наиболее заинтересованные в устранении господства сенатской аристократии, опиравшейся на крупную землевладельческую знать провинций. Ее господство препятствовало не только установлению режима, способного, в конце концов, по настоящему слить провинции с Римом, но и укреплению и распространению тех форм собственности, которые в наибольшей мере соответствовали распространению мелких и средних рабовладельческих вилл, т. е. рабовладельческого способа производства в его оптимальном варианте. Крупная земельная собственность римских сенаторов, родо-племенных «принцепсов» западных и приближенных бывших царей восточных провинций в значительной мере сочеталась со старыми методами эксплуатации разного рода зависимых людей, среди которых рабы были только одной из категорий. Не случаен, видимо, тот факт, что помпеянцы, наряду с сидевшими на их землях клиентами, сплошь да рядом принимали в свое войско и рабов, тогда как цезарианцы к такой практике не прибегали даже в самых крайних случаях. Сознательно или бессознательно они были представителями и идеологами того типа рабовладельческого способа производства, который абсолютно исключает пребывание рабов в армии, что и было оформлено соответствующими законами при империи. Но для окончательной победы этого способа производства было необходимо лишить старую знать ее доменов, раздробить их на мелкие и средние имения, входившие в состав городских территорий, и гарантировать их новым владельцам право соб-

ственности, не подверженное ни действиям каких-либо новых аграрных законов, ни покушениям со стороны более богатых и влиятельных людей. Провести такую коренную ломку, придерживаясь политики «милосердия», было невозможно, поскольку неизбежно предстояло сломить насильственно встречаемое ею сопротивление. Соответственный подсказанный исторической обстановкой результат был достигнут лишь благодаря проскрипциям триумвиров и аграрной политике Августа. Только создав прочную социальную базу из новых мелких и крупных собственников, Август счел возможным также по существу перейти к той же политике *clementia* для него уже безопасной, но оказавшейся пагубной для Цезаря, поскольку он не смог создать соответственные предпосылки для всеобщего «примирения сословий». С. Л. Утченко подчеркивает, что Цезарь знал о готовящемся заговоре и, прибавим от себя, по-видимому, сознавал бесперспективность своей противоречивой политики и готов был уйти из жизни, пока слава его не померкла.

Заканчивает С. Л. Утченко свою книгу подведением некоторых итогов, представляющих особый интерес. Цезарь, отмечает он, со всеми присущими ему человеческими достоинствами и недостатками, был чрезвычайно яркой личностью. Но он был не великим государственным деятелем, создателем новой политической системы, а профессионально подготовленным полководцем, гибким дипломатом и политиком; в качестве государственного деятеля он оказался дилетантом и «неудачником». У него не было никаких определенных, впоследствии приписывавшихся ему планов; он не помышлял ни о создании «империи», ни о «демократической монархии», ни об «эллинистическом царстве», ни о «принципате». Время империи уже наступало, но создали ее не отдельные лица, а диалектика развития римской политической жизни и борьбы. Здесь С. Л. Утченко кратко напоминает выводы, обоснованные им в его капитальном труде «Кризис и падение римской республики» (М., 1965); он говорит о римской революции, кульминацией которой была Союзническая война, восстание италийского крестьянства против Рима-полиса, и о последующих гражданских войнах как борьбе различных фракций господствующего класса за то, какая из них использует в своих интересах результаты революции. Перипетии этой борьбы имели свои аналогии в иные эпохи, например в ходе французской буржуазной революции; однако, с точки зрения С. Л. Утченко, неверно доводить подобные сравнения до какой-то абсолютизации римских событий, до превращения их в некий надъисторический эталон. Так, совершенно неоправданным он считает употребление в качестве такого эталона термина «цезаризм», часто отождествляемого с «бонапартизмом». Ничего специфического, оправдывающего термин «цезаризм» в истории Цезаря не было. Захват власти опирающимся на армию полководцем был известен задолго до Цезаря. Лавирование между различными социальными силами Цезарю не удалось; политическую систему ранней империи создал не Цезарь, а Август, ученик и преемник Цезаря, действовавший иными методами.

С. Л. Утченко сопоставляет Цезаря и Августа как «политика» и «государственного деятеля»: Цезарь сосредоточил власть в своих руках, Август создавал аппарат власти; Цезарь принимал те или иные меры в ответ на требования момента, Август отбирал из наследия Цезаря то, что подходило к формируемой им системе; Цезарь не дал никакого наименования своему режиму, поэтому его можно называть «монархией», «царством», «тиранией», Август официально назвал свой режим «восстановленной республикой», и хотя ни он, ни его подданные в *res publica restituta* не верили, открыто выражать сомнение стало недопустимым. Не имели особого значения различные атрибуты власти Августа, в том числе и знаменитая *auctoritas*, о которых было столько написано в свое время. Нельзя, замечает С. Л. Утченко, понять принципат, исходя из формально-юридических критериев, а не из его социально-политической сущности. Установление новой политической системы принципата было неизбежно. Но, заключает автор, становление нового не обходится без жертв. Цицерон пал жертвой борьбы за безнадежное дело. Цезарь стал жертвой потому, что выступил слишком рано, искал опоры в чем-то еще не устоявшемся, не оформившемся. Проблема Цезаря — это не проблема «тирании», «бонапартизма», «идеальной монархии», а проблема подготовки почвы для новой политической системы, проблема необходимой для нее жертвы. Яркая личность Це-

заря была противоположена надвигавшейся бездушной, все нивелирующей бюрократической системе. К ней подходил Август, бледная тень Цезаря, холодный, рассудочный, непрезойденный лицедей. Он был необходим системе империи и стал первым императором.

Заметим, что, как нам представляется, С. Л. Утченко несправедлив к Августу. Ведь он и сам признает, что в отличие от «дилетанта» и «политика» Цезаря Август был «государственным деятелем», и, думается, не будет преувеличением сказать — государственным деятелем масштабов, не часто встречающихся на всем протяжении мировой истории. Недаром для огромного большинства своих современников и их ближайших потомков он стал образцом правителя и недаром его личность и его дело вдохновляли Вергилия, Горация и всю прочую плеяду «золотого века» римской литературы, который не стал бы «золотым», если бы хвалы Августу пелись не по искреннему убеждению, а лишь из духа «сервиллизма», как иногда считают. Опасности, таившиеся, если и не в созданной им, то им оформленной системе и сложившейся при его участии официальной идеологии, выявились лишь впоследствии, а в то время, конечно, ни он, и никто другой не мог их ни предвидеть, ни, тем более, устранить.

Но как бы ни оценивать Цезаря и Августа, нельзя не признать, что С. Л. Утченко прав, считая, что первый по своим субъективным качествам значительно менее Августа подходил к роли первого главы рождавшейся Римской империи. Автор нашел правильный подход к выявлению соотношения исторической личности и объективного хода исторического процесса. Всем своим исследованием он подтвердил правильность сделанных им в заключении выводов о Цезаре и его месте в событиях последних десятилетий республики. Конечный их итог Цезарь мог изменить так же мало, как Цицерон и Катон, Брут и Кассий. Но, может быть, если бы по складу ума и характера он в большей мере оказался бы «государственным деятелем», этот итог был бы достигнут более коротким путем и с меньшими для населения римской державы жертвами.

С поставленной им перед собой задачей — сказать нечто свое, а значит, и новое о Цезаре — С. Л. Утченко блестяще справился, и не случайно его книга стала популярной среди читателей, ценящих яркие характеристики, живые описания событий, меткие наблюдения, новые и глубокие мысли. Вместе с тем, как и все работы С. Л. Утченко, «Юлий Цезарь» может стимулировать дальнейшую работу специалистов-историков по исследованию вопросов, все еще остающихся спорными, несмотря на многократную разработку темы. К таким вопросам, например, как уже упоминалось, относится расстановка сил помпейцев и цезарианцев в провинциях и вассальных царствах. Может быть, привлечение всего имеющегося материала по истории, экономике, социальному строю городов, племен, царей, выступавших за Цезаря или Помпея, поможет прояснить сделанный ими выбор. Такое исследование могло бы, при всей его трудности, быть облегчено появлением в последние десятилетия многих работ, посвященных отдельным городам и районам римской державы, результаты же могли бы стать весьма ценными.

Другой вопрос, многократно затрагивавшийся, но все еще недостаточно ясный, — отношения между Цезарем и популярными, или, как пишет С. Л. Утченко, «демократией», совершенно справедливо заключая это понятие в кавычки, поскольку, хотя во многих работах гибель римской республики и оплакивается как гибель демократии, вряд ли можно считать демократией право сената или даже право римского народного собрания распоряжаться судьбой бесправного населения римских провинций. Более точно будет в данном случае говорить о плебсе. Общим местом в нашей литературе стало утверждение о том, что римский плебс разочаровался в политике Цезаря, не удовлетворившего его чаяний, и о недовольстве его монархическими устремлениями. Но для окончательного суждения по этим вопросам следует гораздо более детально, чем то обычно делается, изучить состав плебса, его идеологию, вернее, насколько возможно, идеологию разных его слоев. Видимо, некоторым из них отнюдь не были чужды ни идеал царя, подобного Сервию Туллию, ни столь пугавший сенатскую знать образ тирана греческого образца. Что касается требований плебса, то, по крайней мере, одно настоятельное, сформулированное в письме катилинарца Манлия — освобождение от дол-

говой кабалы (Sall., Catil. 33, 1) было осуществлено Цезарем в почему-то обходящемся исследователями молчанием *lex Iulia de cessione bonorum*, который сохранял личную свободу за должником, отдавшим свое имущество кредитору, и регулировал их дальнейшие взаимоотношения (Dig. 42, 3). Возможно, что обращение к юридическим источникам при попытке выяснить, какие из многочисленных *leges Iuliae* восходят не к Августу, а к Цезарю (к ним, возможно, относится и *lex Iulia de annonae*, Dig., 48, 12, регулировавший цены на продовольствие и каравший за их превышение) могли бы дать еще кое-что для выяснений взаимоотношений Цезаря с плебсом и популярами.

Вопросов, возникающих при чтении работы С. Л. Утченко, можно было бы насчитать еще немало. Можно сказать с уверенностью, что его книга еще долго будет служить популяризации древней истории среди неспециалистов и пробуждать дух исследования у историков-античников.

Е. М. Штаерман